Стоило открыть рот, как последовал вежливый отказ! Трое важных судей сейчас чувствовали, что вовсе ни о чём не смогут спросить. Чиновники переглянулись, замечая негодование в глазах друг друга. На этот раз Фань Сянь, нисколько не придерживаясь правил, сверг министра церемоний Го Ючжи, что очень разозлило многих столичных сановников. К счастью, благодаря положению премьер-министра и министра Фаня, большинство из них не решилось как-то действовать.

Но у этих троих господ за спиной имелась другая поддержка, а в мыслях — другие планы.

Спустя долгое время Хань Чживэй, министр наказаний, вдруг холодно спросил:

— Вчера цензоры подали доклад, обвиняющий тебя. Знаешь ли ты об этом, фэнчжэн Фань?

— Я об этом знаю, но не знаю подробностей, — спокойно ответил Фань Сянь.

Хань Чживэй посмотрел ему в глаза и сказал:

— Фань Сянь, не думай, что твой мелкий талант и твои покровители позволяют быть таким самоуверенным. И не думай, будто я поверю, что ты разоблачил этот скандал ради служения стране и народу. Если ты не объяснишь как следует свои грязные дела во время весенних экзаменов, не пеняй на меня за грубость.

Фань Сянь наморщил лоб.

— Господин, вы говорите нечто странное. Если бы я что-то сделал на весеннем экзамене, разве я подверг бы себя опасности добровольно, сообщив об этом императорскому двору? Что касается слова «грязный», я не смею его принять и верну вам с почтением.

— Наглец! — выругались трое судей в один голос. За много лет в столице они никогда не встречали настолько нахального юнца. Хань Чживэй, тряся бородой от гнева, выбранил его:

— Не думай, что все чиновники столицы боятся твоего статуса. Ты должен знать, что я восемь лет управляю Министерством наказаний, полагаясь лишь на честность, а не на уловки вроде тех, которыми ты добиваешься расположения и запугиваешь людей.

Фань Сянь с улыбкой ответил:

— При расследовании дел нужно смотреть на доказательства, где это видано, чтобы при этом начинали, как вы, в благородном порыве выносить суждения? Я никак не возьму в толк.

Хань Чживэй зафыркал, но улыбнулся и сказал:

— Хорошо, тогда я спрошу тебя, шестнадцатого числа второго месяца ходил ли ты на «Двор всеобщего благоденствия»?

Фань Сянь знал, что он спрашивает о том дождливом дне, и с улыбкой ответил:

— Так и есть.

— Ты ходил на встречу к Ян Ваньли и остальным?

— Так и есть.

— Перед тем, как Ян Ваньли вошёл в экзаменационный двор, вы о чём-то шептались с ним?

— Так и есть.

— На этих экзаменах ты был посредником, на тебе была важная задача по наблюдению за студентами и заклеиванию имён. Я спрошу напрямую, вошёл ли Ян Ваньли в число кандидатов на первые места?

— Так и есть.

— В тот день за пределами двора много людей могли засвидетельствовать, что ты обнаружил шпаргалки в одежде Ян Ваньли. Почему ты допустил его в экзаменационный двор?

Фань Сянь мысленно улыбнулся, думая, что он уже давно поручил Ван Циняню приказать Ян Ваньли уничтожить то шёлковое платье, чтобы было не о чем тревожиться, и сказал:

— Ничего подобного не происходило.

— Не происходило? — сердито спросил Хань Чживэй.

— Так и есть.

— Ладно-ладно, тогда спрошу вот что: в тот день перед входом на экзамен у стольких студентов нашли запрещённые предметы, но ты их всё-таки впустил их?

Фань Сянь слегка вздрогнул, понимая, что этот вопрос по меньшей мере нельзя считать серьёзным, но если противник действительно вцепится и будет настаивать, выйдет немного хлопотно. Однако он по-прежнему спокойно ответил:

— Так и есть.

— Хорошо. — В худом и мрачном лице Хань Чживэя словно что-то светилось. Глядя Фань Сяню в глаза, он холодно сказал: — Поскольку ты во всём признался, мне придётся отправить тебя в тюрьму для дальнейшего расследования.

К удивлению, Фань Сянь вдруг спросил:

— В чём же я признался?

Хань Чживэй нахмурился и спокойно ответил:

— Во всём, о чём я тебя спрашивал. В этом деле всё предельно ясно. Фэнчжэн пятого ранга Фань Сянь, будучи посредником на весеннем экзамене, тайно вступил в сговор со студентом Ян Ваньли и злоупотребил служебным положением. Он ни во что не ставил закон и милость императора, воистину великая дерзость.

Фань Сянь, прищурившись, взглянул на министра и возразил:

— Когда это я признавался? Верно, я действительно встречался с Ян Ваньли шестнадцатого числа второго месяца, потому что я восхищаюсь талантом этого юноши. Как раз тогда и разразился скандал, и если бы я действительно подозревался в злоупотреблениях, как бы я мог в тот самый день встречаться с ним? К тому же мы встречались на «Дворе всеобщего благоденствия», где в то время студентов собралось множество, неужто я не побоялся бы сплетен? — Он улыбнулся и добавил: — Поскольку я осмелился пойти туда, пусть бы и не осмелился сказать об этом, это доказывает, что совесть моя чиста, но как это подтверждает, что я в тайном сговоре с Ян Ваньли? Я хочу напомнить господину, что впервые я встретился с Ян Ваньли как раз у ворот экзаменационного двора, и говорить, что я заранее вступил с ним в сговор, просто безосновательно.

— Тогда как ты объяснишь, почему лично разрешил студентам, принёсшим шпаргалки, держать экзамен?

Фань Сянь чуть нахмурился, думая, что его тогда видели слишком много людей, и это была полностью его вина, что он не воспринял весенний экзамен государства Цин всерьёз и вёл себя так дерзко. Он беспомощно покачал головой и сказал:

— Поскольку я получил поручение Контрольной палаты тайно наблюдать за продажными чиновниками в экзаменационном дворе, то не хотел упустить крупную рыбу ради маленькой. Что касается подробных причин, господин министр может написать запрос в Контрольную палату и приказать им объяснить детали.

Хань Чживэй гневно фыркнул, думая, что Контрольная палата — это особое учреждение на

службе у императора, как он мог посылать им запрос? Чем дольше он смотрел на милое лицо Фань Сяня, тем сильнее сердился. Оттолкнув бамбуковый стакан с дощечками, представляющими варианты наказания, он громко воскликнул:

— Ну, раз ты не признаёшься в этом… Стража! Бейте этого бесстыдника!

***

— Бить нельзя!

Двое присутствующих произнесли эти слова одновременно. Один из них был помощник премьер-министра в Ревизионной палате, он с горькой улыбкой уговаривал министра наказаний, что стоящий перед ними молодой человек не какой-то там обычный богатенький сынок, бить его абсолютно неприемлемо. Стоящие за ними сановники хотели лишь проучить его, обвиняя в этом преступлении, кто бы посмел побить его?

После того, как министр Хань немного успокоился, он вспомнил, что Фань Сянь не только зять премьер-министра и сын министра, но и происходит из династии гражданских чиновников, которыми император очень восхищался. Более того, Хань Чживэй как один из министров шести министерств не мог не знать о настоящем статусе Линь Вань’эр. Получив предупреждение от двух коллег, Хань Чживэй невольно нахмурился: если он действительно выбьет из Фань Сяня все причины, он никак не сможет объяснить это другим придворным.

Затем троим господам стало немного любопытно, кто же ещё произнёс слова «Бить нельзя!». Они опустили взгляды в зал и обнаружили, что Фань Сянь с невинным выражением лица смотрит на них.

Помощник премьер-министра в Ревизионной палате чуть улыбнулся и не мог не спросить:

— Почему это тебя нельзя бить?

Фань Сянь искренне объяснил:

— Я имею учёную степень цзюйжэня и, согласно закону государства Цин, я могу не становиться на колени, и меня нельзя допрашивать под пыткой, поэтому я и сказал, что меня нельзя бить. Иначе, если цензор завтра поинтересуется, почему министр Хань не следует закону Цин, разве не окажется это моей оплошностью?

Находящийся среди трёх судей Го Чжэн, начальник цензората, на самом деле приходился дальним родственником Го Ючжи, и он стоял над теми цензорами, которые подали доклад касательно Фань Сяня. Сейчас, услышав его саркастичные слова, он невольно холодно рассмеялся и тихо сказал:

— Господин Фань не только талантлив и образован, он также очень хорошо знаком с законами государства Цин. Однако известно ли ему, что в законах Цин описаны пятнадцать серьёзнейших преступлений, при которых можно не принимать во внимание упомянутые правила?

Естественно, начальник цензората на самом деле не осмелился бы пытать Фань Сяня, но он был весьма не прочь запугать его на словах, чтобы поквитаться за то чувство тревоги, что снедало столичных чиновников все эти дни.

Фань Сянь покачал головой и по-прежнему невинно ответил:

— Всё равно меня нельзя бить.

Помощника премьер-министра в Ревизионной палате наименее всех присутствующих затрагивало дело о злоупотреблениях на экзамене, поэтому он не мог не полюбопытствовать:

— Это дело касается серьёзного преступления, а молодой господин Фань не желает оправдаться. Почему суд не может приказать побить его?

Чем продолжать развлекаться, приводя различные доводы, Фань Сянь решил, почему бы не наплести о сотрудничестве с Контрольной палатой, и искренне ответил:

— Это дело касается секретов работы Контрольной палаты, а я не получил специального разрешения, поэтому не смею обсуждать такие подробности.

Разбирательство по этому делу действительно возбуждало недовольство. Трое судей переглянулись, заметив страх и негодование друг друга. Если бить Фань Сяня нельзя, то как заставить его заговорить и признаться? Хозяева, стоящие за каждым из них, хотели дать Фань Сяню хлебнуть лиха, и не было абсолютно никаких причин просто взять и отпустить его домой.

В этот момент из-за боковой занавески внезапно вбежал взволнованный советник и что-то прошептал на ухо министру наказаний Хань Чживэю. Цвет лица Хань Чживэя сразу же изменился, его глаза холодно блеснули, хотя и выдавая едва заметные страх и ненависть.

Фань Сянь посмотрел вверх, слегка прищурившись. Его жёсткая истинная ци уже давно вовсю работала, но в ответе Хань Чживэя он расслышал лишь несколько отдельных слов. Смутно прозвучало «Восточный дворец», «жёсткие меры» — но неизвестно, кто передал это послание, и неизвестно, что так ужасно напугало министра наказаний.

В это же время ещё две записки были переданы начальнику цензората Го Чжэну и помощнику премьер-министра. Го Чжэн взглянул на неё бесстрастно, но на лице помощника премьер-министра отразилось потрясение. Немного подумав, он встал и поклонился двум другим судьям со словами:

— Природа зовёт. Допрашивайте, господа, а я выйду и вернусь.

Фань Сянь в душе удивился: что за записка заставила помощника премьер-министра сбежать под предлогом посещения уборной?

Перед поездкой в Министерство наказаний Фань Сянь уже выяснил, что министр наказаний кажется справедливым и честным, но на самом деле он человек Восточного дворца; помощник премьер-министра в Ревизионной палате имеет очень крепкие связи с Тайным советом, а начальник цензората Го Чжэн в молодости имел некие непонятные взаимоотношения со старшей принцессой. Если бы Фань Сянь не держал в руках ужасающие возможности Контрольной палаты, он бы не узнал об этих много лет скрывавшихся связях.

Его мысли прервал резкий крик, раздавшийся в зале:

— Стража! Фэнчжэн училища Тайсюэ Фань Сянь не уважает суд. Дело касается злоупотреблений, относящихся к пятнадцати серьёзнейшим преступлениям. Бейте его!

Лицо Хань Чживэя исказилось, словно он принял важное решение.

В это время помощник премьер-министра уже ускользнул. Похоже, он знал, что в главном зале Министерства наказаний возникнет очень опасная ситуация, и его хозяин вовсе не желал слишком обижать семью Фань и премьер-министра. Фань Сянь холодно посмотрел в глаза Хань Чживэя и спокойно спросил:

— Неужели господин министр хочет принудить меня к даче показаний?

Глаза начальника цензората Го Чжэна тоже свирепо вспыхнули, и он закричал:

— Бейте!

Две огненно-красные палки нацелились на нежный копчик Фань Сяня и нанесли жестокий удар. Для служащих тринадцатого ямэня Министерства наказаний это было привычное дело, палки опускались стремительно, даже не всколыхнув ветерка.

Лицо Фань Сяня застыло, он не шевелился. Что-то дважды хрустнуло, штаны на нём не выдержали напора и разлетелись в лоскуты — это не его копчик треснул, а две палки разломались ровно посередине, явив целый лес щепок!

http://tl.rulate.ru/book/96718/2555288